

— Я так, к слову, — Сяо Ян немного подумала. — Сестрица Саньйой, когда будешь возвращаться, не забудь привезти нам какие-нибудь маленькие подарки.

— Знаю-знаю, — кивнула Саньйой. — Не забуду.

Сяо Ян рассмеялась:

— Спасибо, сестрица Саньйой! Только не нужно ничего слишком дорогого, а то если по дороге побьется или погнется, будет обидно.

— Тогда пришлю вам местных деликатесов. Помню, что по части еды в нашем отделе я на первом месте, а ты на втором, — Гу Саньйой положила ей в тарелку кусочек свинины в красном соусе. — Нет ничего приятнее, чем наслаждаться вкусной едой.

— Согласна, согласна! — закивала Сяо Ян.

— Саньйой, ты отправляешься в путь одна, береги себя, — напутствовала Чжао Пин. — Если что-то случится, обязательно звони нам.

Саньйой пообещала.

Ужин подходил к концу, и компания снова запела. Сяо Ян была молода, поэтому выбирала только самые популярные хиты, от которых у Чжао Пин разболелась голова, о чем она не преминула заявить.

Когда очередь дошла до Чжао Пин, она спела песню Встреча в Пинъюе. Гу Саньйой сразу вспомнила свою маму — это была песня её поколения. Почти всё, что пела Чжао Пин, она когда-то слышала в исполнении матери, и нахлынули детские воспоминания.

Тут Сяо Ян взяла её телефон:

— Сестрица Саньйой, твой телефон вибрирует уже целую вечность. Посмотри скорее, кто звонит.

На экране высветилось: Дядя.

Гу Саньйой взглянула на часы — уже одиннадцать. Она вспомнила, что забыла отправить Лу Чжэ сообщение. Торопливо указав на телефон, она сказала, что выйдет поговорить. Дойдя до места потише, она нажала кнопку ответа.

— Алло?

— Почему не отвечаешь на звонки? — раздался в трубке низкий голос Лу Чжэ.

— Ой, я ужинала с коллегами из офиса, — поспешно объяснила Гу Саньюй. — Мы тут пели, было слишком шумно, я не услышала.

— Когда вернешься? — снова спросил Лу Чжэ.

— Скоро, уже скоро, — Гу Саньюй перевела тему. — Ты закончил с делами?

— Еще нет, — на том конце тоже послышался шум. — Скоро будут другие мероприятия.

Гу Саньюй всё поняла:

— Береги себя, не засиживайся допоздна.

— Придешь домой — напиши сообщение, чтобы я знал, что ты в безопасности.

— Хорошо, я поняла.

Лу Чжэ закончил разговор и задумался: она сказала ему беречь себя — может, она поняла его неправильно?

Гу Саньюй вернулась в кабинет, и лишь когда все напелись вдоволь, они расплатились и разошлись. Вернувшись домой, она вспомнила слова Лу Чжэ и сразу отправила ему сообщение:

— Господин директор, я дома. — И добавила несколько улыбающихся смайликов.

Только она собралась отложить телефон, как пришел ответ от Лу Чжэ:

— Отдыхай.

Гу Саньюй посмотрела на эти четыре слова и улыбнулась.

Весь следующий день она не видела Лу Чжэ, он даже не звонил. Вечером она всё же отправила ему сообщение, на что Лу Чжэ ответил коротким «М-м». И правда, очень лаконично.

В субботу утром Гу Саньюй проснулась рано. Она достала маленький чемодан и сложила лишь пару смен одежды — остальное можно купить на месте. А вот все баночки и склянки с туалетного столика решила сдать в багаж, иначе за два года, пока она будет в отъезде, у них выйдет срок годности, что было бы пустой тратой.

На сборы ушло около получаса. Взглянув на часы, она накинула пальто и вышла из дома. Купив на утреннем рынке ароматические палочки, свечи и бумажные деньги, она отправилась на кладбище лесного хозяйства.

Мамина могила находилась в самом конце — при жизни она любила тишину. Гу Саньюй разложила вещи, опустилась на колени и начала сжигать бумажные деньги.

— Мама, я пришла навестить тебя. Мне нужно рассказать тебе кое-что нехорошее, — Гу Саньюй замолчала на мгновение. — Ты, наверное, уже догадалась. Видишь, ты всегда была права. Помнишь, ты говорила, что мы с ним, возможно, долго не протянем? Не думала, что твои слова окажутся пророческими. Не сердись и не грусти, посмотри на меня — я уже не плачу. Пожалуйста, не переживай за меня, я всегда со всем справляюсь. Сяобая до сих пор не нашла. Иногда по утрам, когда иду на работу, вижу людей, выгуливающих собак, и издали их силуэты так похожи на него... Слишком уж много людей держат померанских шпицев.

Слезы всё-таки покатались по щекам:

— Я пришла сказать, что уезжаю в город Наньлинь. Скорее всего, не вернусь года два, даже на Новый год — пожалуйста, не сердись, куда бы я ни поехала, я всегда буду думать о тебе. В Наньлине я тоже буду сжигать для тебя деньги. Если я буду тебе очень нужна, приди ко мне во сне — мы так давно не виделись.

В конце она надула губы и обиженно добавила:

— Ты такая жадная, даже во сне ни разу не пришла...

В этот момент зазвонил телефон. Это был Лу Чжэ. Гу Саньюй нажала кнопку ответа.

— Алло?

— Проснулась? — Лу Чжэ думал, что она еще спит.

— Я давно встала, — её голос дрожал от едва сдерживаемых слез, звуча мягко и беззащитно.

Лу Чжэ помолчал:

— Завтракала?

— Еще нет, — Гу Саньюй вытерла слезы.

— Скажи, где ты, я скоро приеду за тобой, — голос Лу Чжэ звучал тепло. — Не нужно всегда

грустить и плакать в одиночку. Иногда можно проявить слабость и попробовать положиться на кого-то другого, например, на меня.

Гу Саньюй замерла:

— Я на кладбище лесного хозяйства, в самом конце. Я жду тебя.

Положив трубку, она разрыдалась:

— Мама, видишь? Кто-то сказал, что я могу на него положиться. Он сказал, что я могу иногда быть слабой, а Гао Чжань всегда твердил, что я должна быть сильной. Мама, как думаешь, могу я хоть немного прислушаться к его совету?

На кладбище Лу Чжэ посмотрел на время — понятно, она поехала к матери. Он переоделся в черное пальто и выехал. На самом деле он знал, что мать Гу Саньюй похоронена в самом конце — когда-то он приходил сюда с коллегами выразить соболезнования. Он никогда не забудет, как горько она тогда плакала, словно весь мир отвернулся от неё. Но тогда рядом был другой человек, который обнимал и утешал её, а он мог лишь стоять в стороне, чувствуя, как сжимается сердце.

Утро было холодным, солнце еще не успело прогреть землю. Он увидел Гу Саньюй, стоящую на коленях перед надгробием и всхлипывающую. У этого тридцатилетнего мужчины сердце тоже отозвалось болью.

Гу Саньюй услышала шаги за спиной. Человек остановился, присел на корточки, и она оказалась в объятиях. Он положил подбородок ей на макушку, обнимая за плечи. Несмотря на то, что от него веяло холодом, ей стало удивительно тепло.

Через некоторое время она услышала над головой его голос:

— Перестань плакать. Мне больно на это смотреть.

Увидев, что она не шевелится, он коснулся её маленьких рук:

— Так легко одета, неудивительно, что руки такие холодные.

— Подожди меня еще немного, я дождусь, пока догорят деньги, и пойдем, — голос Гу Саньюй звучал в нос.

Лу Чжэ отпустил её, снял пальто, накрыл её плечи и присел рядом.

— Мама, я буду хорошо заботиться о себе, не волнуйся, — Гу Саньюй бросила в огонь остатки бумаги. — Не переживай за меня, у меня всё будет хорошо.

Лу Чжэ тоже зажег палочки в память о её матери. Глядя на фотографию на надгробии, он сказал низким голосом:

— Тетя, не волнуйтесь, я тоже буду заботиться о Саньюй. Всю жизнь не дам её в обиду и не позволю ей грустить.

Гу Саньюй промолчала, плотнее закутываясь в его пальто. Спустя время она протянула ему руку:

— Помоги встать, у меня ноги затекли.

Лу Чжэ взял её за руку, помог подняться, обхватил ладонями её лицо, вытер слезы и отряхнул пыль с её брюк. Гу Саньюй собралась с духом и моргнула:

— Господин директор такой внимательный.

Лу Чжэ кашлянул и похлопал её по голове.

— Мам, видишь, — Гу Саньюй посмотрела на надгробие, — кто-то позаботится обо мне вместо тебя, не нужно так сильно волноваться.

Лу Чжэ согласно кивнул.

— В следующий раз снова приду навестить тебя, — добавила Гу Саньюй, повернулась к Лу Чжэ и улыбнулась: — Пойдем.

Лу Чжэ смотрел на девушку перед собой: глаза опухли и покраснели. Два года назад, когда она не могла ходить от боли из-за внематочной беременности, она не плакала. В тот день, когда пришел Гао Чжань, она не проронила ни слезинки. А сегодня, стоя перед могилой самого дорогого ей человека, она не сдержалась.

Он знал историю Гу Саньюй. В восемь лет она приехала в уезд Е вместе с матерью, и никто никогда не слышал о её отце, да и она сама никогда не упоминала о нем. В уезде Е у неё не было никого, кроме этой любящей мамы. Год назад мать внезапно погибла в автокатастрофе, а теперь и мужчина, который был ей самым близким и любимым, предал её и ушел. Можно только представить, какую боль она носит в сердце. В конце концов, ей всего двадцать пять. В этом возрасте Лу Чжэ жил в достатке и не знал тягот жизни, в то время как Гу Саньюй прошла через всё это гораздо раньше. Его сердце обливалось кровью за неё.

У Гу Саньюй были прекрасные глаза. Иногда, когда она молчала и лишь хлопала ресницами, ему казалось, что он видит в них озорство и смекалку. Круглое лицо делало её похожей на недавнюю выпускницу университета. Она была такой милой, как он мог её не полюбить?

Увидев её поднятое к нему лицо, Лу Чжэ не сдержался и легко поцеловал её. Гу Саньюй застыла. Прежде чем она успела среагировать, он отстранился — поцелуй был легким, как прикосновение крыльев стрекозы, полный нежности и заботы. Теперь у неё покраснели не только глаза, но и щеки.

Лу Чжэ, глядя на её ошеломленный вид и пылающее лицо, глухо рассмеялся:

— Пойдем.

Гу Саньюй покорно пошла за ним, но через пару шагов оглянулась на фотографию на надгробии — её мама улыбалась так счастливо.

В машине Лу Чжэ пристегнул ей ремень безопасности:

— Что хочешь на завтрак?

— Жареные булочки, — Гу Саньюй посмотрела на него с невозмутимым видом, будто ничего не произошло. Она подумала: вот ведь старый лис, никакой реакции. Сама же она была еще слишком молода — от одного его жеста сердце забилось, как пойманный олененок, и она тоже невольно кашлянула.

— Что такое? — Лу Чжэ потрогал её голову. — Простудилась?

— Просто горло немного першит, — Гу Саньюй взглянула на телефон. — В это время в той лавке будет полно народу, давай съедим что-нибудь другое. Свернем к восточной части города, там неплохие блинчики.

Лу Чжэ повернул руль, меняя маршрут.

Гу Саньюй привела его в небольшую лавочку, где подавали булочки на пару. Хотя это была лавка с булочками, их блинчики были особенно вкусными — раньше Гао Чжань часто покупал их для неё. Она не ела их уже полгода, и вдруг сегодня так захотелось.

Лавка находилась у кольцевой дороги, был выходной, и посетителей было немного. Гу Саньюй выбрала столик в углу и пригласила Лу Чжэ сесть. Она спросила, что он будет, и он ответил, что всё подойдет. Она заказала порцию булочек, два блинчика и два стакана горячего соевого молока.

Самая обычная еда. Блинчики были сытными, Лу Чжэ откусил кусочек — хрустящая корочка, ароматный соус, вкус действительно был отличный. Соевое молоко было свежавыжатым, без добавления воды, с густым ароматом бобов. Неудивительно, что Гу Саньюй приехала в такое глухое место.

На самом деле, у Гу Саньюй была еще одна причина. Лавка с булочками находилась у главного входа на пешеходную улицу, там всегда много народу, и можно было случайно встретить знакомых, а если кого-то из больницы — было бы совсем неловко. Кто знает, что люди подумают, увидев с утра пораньше Гу Саньюй завтракающей вместе с директором Лу? Ей даже не нужно было гадать: стоило одному пустить слух, как весь госпиталь додумал бы историю до целого романа. В конце концов, ей еще работать в этой больнице, а что будет между ними и Лу Чжэ — пока неизвестно, лучше не привлекать лишнего внимания.

Гу Саньюй сидела спиной к двери и подмигнула Лу Чжэ:

— Ну как тебе?

Лу Чжэ ответил:

— Неплохо.

Гу Саньюй снова откусила кусочек:

— Говорят, директор Лу никогда не хвалит еду. Теперь вижу, слухи всё-таки правдивы.

Лу Чжэ только собрался ответить, как увидел, что кто-то открыл дверь и вошел. Человек не заметил Лу Чжэ и крикнул хозяину:

— Два блинчика с собой!

Лу Чжэ заметил, как Гу Саньюй напряглась. Но уже через пару секунд она вернулась к прежнему виду и посмотрела на него:

— Ешь скорее, не глазей по сторонам.

Лу Чжэ увидел Гао Чжэня, стоявшего у входа. Пока он ждал блинчики, он выглядел так, будто витал в облаках. Только когда хозяин протянул ему заказ, он очнулся, расплатился и вышел. Лу Чжэ подобрал слово: «потерянный». Он не заметил ни Гу Саньюй, сидевшую в пяти шагах, ни Лу Чжэ, сидевшего прямо перед ним.

— Он ушел, — Лу Чжэ вытер губы.

— О? Ты о ком? — невинно спросила Гу Саньюй.

Лу Чжэ понимающе улыбнулся:

— Пойду расплачусь.

Он не злился и не расспрашивал. Он всегда держался так, будто всё знает и всё понимает. О чем она не хотела говорить — он не спрашивал; с чем она не хотела сталкиваться — он не упоминал. Это сохраняло достоинство Гу Саньюй и заставляло её сердце теплеть от его деликатности.

Гу Саньюй обернулась и посмотрела, как он расплывается. Кажется, кто-то когда-то говорил, что мужчины выглядят привлекательнее всего, когда платят по счету. Лу Чжэ и так был видным мужчиной, а годы добавили ему особого шарма — где бы он ни появлялся, он неизменно приковывал взгляды. Она слышала, как молодые врачи говорили, что Лу Чжэ — это тот типаж, которым они хотят стать в будущем. И правда, его обаяние было неоспоримым.

Но мог ли такой человек искренне относиться к такой обычной, простой женщине, как она? Гу Саньюй не раз сомневалась, но за эти несколько дней она действительно почувствовала его сдержанность и глубину чувств. То, как он берег её настроение, его забота во всем, его выражение лица, когда он обрабатывал ей раны, тот нежный поцелуй у могилы матери...

Гу Саньюй была не семнадцатилетней девчонкой, она могла отличить правду от лжи. Если Лу Чжэ действительно хотел просто поиграть с ней, что ж, она принимала эти правила. Ради этой нежности она была готова позволить ему играть. А если когда-нибудь он устанет — она уйдет сама, без лишних драм. Ей хотелось хоть раз почувствовать заботу и нежность, услышать искренние слова. В конце концов, ей уже нечего было терять.

Лу Чжэ забрал сдачу, и Гу Саньюй подошла к нему:

— Куда теперь?

— Куда ты, туда и я, — Лу Чжэ взял её за руку.

Саньюй, куда бы ты ни пошла, Лу Чжэ будет рядом, ни на шаг не отставая.

— Давай заглянем во Вторую среднюю школу, — предложила Гу Саньюй. — Покажу тебе школу, где я училась.

Лу Чжэ кивнул.

Как раз было время дополнительных занятий у выпускных классов, поэтому ворота были

открыты. Это была широкая аллея, засаженная высокими тополями. По обе стороны дороги — слева беговая дорожка, справа баскетбольная площадка.

— По этой дороге я ходила бесчисленное количество раз, — вспоминала Гу Саньюй. — Тогда мне было около десяти, я шла со школьным ранцем и бутылкой воды, даже не подозревая, насколько трудна жизнь.

Она указала на дорожку и улыбнулась:

— Бег на короткие дистанции был моей сильной стороной. На школьных соревнованиях на дистанциях пятьдесят и сто метров я всегда была чемпионкой.

Лу Чжэ молча слушал, не перебивая.

— В десятом классе я однажды упала здесь, но вскочила и побежала дальше, заняла второе место, — Гу Саньюй задумалась. — Тогда я упала очень сильно, синяк на колене не сходил целый месяц.

Она посмотрела на Лу Чжэ, и он поддержал её:

— Очень неплохо.

— Я еще была в школьной баскетбольной команде, играла здесь товарищеский матч против Четвертой школы, — она вскинула голову. — Девочки тогда играли очень жестко, после матча всё тело было в синяках.

— Не скажешь, — Лу Чжэ похлопал её по голове. — У тебя столько талантов: и бег, и баскетбол.

— Еще бы, я разносторонняя личность, — Гу Саньюй начала загибать пальцы: — Люблю петь, танцевать, рисовать, каллиграфию... В общем, касалась всего понемногу, просто не достигла совершенства.

— Но на мероприятиях в больнице я тебя никогда не видел, — засмеялся Лу Чжэ.

— Так времени нет! Ты представь, в бухгалтерии столько работы, — пожаловалась Гу Саньюй. — В начале месяца нужно закрыть отчеты за прошлый, а когда заканчиваешь, половина текущего уже прошла. Мы с коллегами в офисе так заняты, что забываем, как нас зовут, какое уж тут участие в мероприятиях.

— От лица всей больницы благодарю вас за ваш тяжелый труд, — с серьезным видом сказал Лу Чжэ.

Гу Саньюй, глядя на его серьезное лицо, словно он выступал с отчетом перед всем коллективом, прыснула со смеху:

— Директор, вы такой забавный.

Лу Чжэ продолжил:

— Я, от лица руководства, выражаю вам искреннюю признательность.

— Признательность? — Гу Саньюй склонила голову. — И это всё?

Лу Чжэ посмотрел на неё взглядом, спрашивающим: «А чего ты хочешь?».

Гу Саньюй подняла руку ладонью вверх:

— Дайте хоть что-то материальное, одними словами сыт не будешь, понимаете?

Лу Чжэ сделал вид, что задумался, и накрыл её руку своей:

— Тогда я подарю тебе директора Лу.

Гу Саньюй не ожидала такого ответа. Она подняла на него глаза, и увидела, что уголки его губ приподняты в красивой улыбке, а голос звучит необычайно приятно:

— Прошу, храни его бережно и заботься о нем.

Гу Саньюй рассмеялась и потянула его вперед:

— Я подумаю над этим предложением.

Они еще раз обошли школу. Гу Саньюй показывала ему свой бывший класс, обновленный буфет, столовую с незабываемым вкусом... Она рассказывала о своих детских шалостях, о мальчишках, в которых была тайно влюблена, а Лу Чжэ терпеливо слушал. Оказывается, его Саньюй тоже была хулиганкой: разбивала окна в классе, прогуливала уроки и даже дралась с мальчишками... Всего этого он раньше не знал. Глядя на её оживленное лицо, он словно видел её такой, какой она была при их первой встрече — хотя она об этом и не знала.

Обойдя школу, они направились к выходу, но на этот раз Гу Саньюй шла медленнее.

— Много лет назад в этот самый день я шла здесь под звонок. Солнце светило так же, как

сегодня, мягко ложась на плечи. Мы с одноклассниками обсуждали предстоящие каникулы, мечтали о них... — тихо произнесла Гу Саньюй. — Если бы я знала, что те дни утекут, как вода, и никогда не вернутся, я бы шла медленнее, намного медленнее.

<http://bllate.org/book/22294/2334573>